Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Когда Чехов не играет у нас на нервах

24.04.2026.

Сцена из спектакля "Иванов" в постановке Жана-Франсуа Сивадье © Jean Louis Fernandez

Дорогие читатели, рискнули бы вы зайти в ресторан, перед которым стоит зазывала и обещает «очень вкусно и не дорого»? Вот так и я всегда с опаской отношусь к пресс-приглашениям на спектакли, сопровождаемые сплошь восторженными отзывами критиков. На этот раз опасения усилились, когда я прочитала в пресс-досье, что, согласно Жану-Франсуа Сивадье, «фабула очень проста, и пьеса могла бы иметь подзаголовок «Хроника объявленной смерти антигероя». И узнала от него же, что существуют две версии пьесы: «одна скорее комедия, другая скорее драма». После чего – изложение этой очень простой фабулы в нескольких предложениях: «Женатый на Анне Петровне, которую туберкулёз обрёк на смерть в ближайшее время, и обременённый долгами, Иванов уже не в состоянии противостоять обстоятельствам. В четырёх захватывающих действиях этот заурядный человек, мелкий буржуа центральной России и разорившийся помещик, погружается в парализующую меланхолию, которая приводит его к тому, что он бессильно наблюдает собственное крушение. Комические перипетии, бросающие этого

антигероя между обновлением и застоем, превращают его судьбу в увлекательное путешествие по завораживающему лабиринту человеческой души.» И далее: «Опираясь на творчество одного из величайших поэтов всех времён, эта постановка вступает в резонанс с цитатой Густава Малера: «"Традиция – это не поклонение пеплу, а передача огня"». Однако я пошла в Театр Каружа – зов Чехова перевесил все другие соображения. Тем более что постановка – парижская, а перевод – Андре Марковича и Франсуазы Морван. Практически канон.

"Иванов" Чехова на улицах Женевы © N. Sikorsky

Теперь серьезно. Прежде всего отреагирую на две вышеприведенные цитаты. Нет, фабула не проста – у Чехова нет простых пьес, простые пьесы не удерживаются на сцене 150 лет и не становятся классикой. Прикрыть свое прочтение Малером – ход оригинальный, но загвоздка в том, что огонь надо иметь. И речь идет не о «двух версиях»: версия одна – есть разные прочтения.

27-летний Антон Павлович Чехов написал «Иванова», свою первую пьесу, в 1887 году за какие-то десять дней. Написал по просьбе Федора Адамовича Корша – дворянина, профессионального адвоката, связавшего свою жизнь с театром и создавшего в 1882 году в Москве Русский драматический театр, в котором преобладало комедийно-фарсовое направление. Видимо, с учетом этой репертуарной ориентации пьеса изначально задумывалась, как комедия. Но из одного из писем Чехова того периода мы узнаем, что просьбу Корша поддержали и актеры: «Актеры уверяют, что я хорошо напишу пьесу, так как умею играть на нервах». Какая же игра на нервах в комедии? В результате, как свидетельствует сохранившийся первоначальный машинописный текст, в заглавии «Иванов, Комедия в 4-х действиях и 5 картинах» слово «комедия» зачеркнуто и сверху рукой Чехова написано: «драма». Именно как «Драма в 4-х действиях» пьеса прошла цензуру, пережила связанные с ней переработки и была опубликована в журнале «Северный вестник» (1889) и во всех последующих сборниках и собраниях сочинений. Это очень важный момент, ведь и «Чайка», и «Вишневый сад» так и остались комедиями, хотя и в них не до смеха. Почему?

> «Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,— пойди-ка найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам… Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал…» Антон Чехов, 24 октября 1887 года

Возможно, разгадка – в письме Чехова его старшему брату Александру, одному из самых частых его адресатов, от 24 октября 1887 года, где он пишет: «Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,— пойди-ка найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам… Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал…»

Как мы видим, стремление навязать читателям и зрителям двухцветный, черно-белый мир согласно взглядам данного исторического момента существовало и в

эпоху Чехова, а время показало, что доплывают до потомков те, кто плывут против течения. В том-то и гениальность Чехова, отказывавшегося видеть мир «простым», читай – примитивным. Нет у него абсолютных ангелов, как нет законченных негодяев, и каждый персонаж этой очень тонкой пьесы показывает самого себя нам, зрителям, то одной своей стороной, то другой – прямой речью. В то время психология не была в России в моде, но каждый из действующих лиц мог бы дать фору Фрейду, настолько точны, честны и безжалостны их самооценки. Они сами себе противны, что не мешает им продолжать жить, как всегда. И разве не узнаем порой в них себя мы, зрители? Именно поэтому пьеса вызвала такие бурные и противоречивые реакции уже при первых показах: критики упрекали автора в размытости характеров и никак не могли определиться, в какую графу записать Иванова – в положительные герои или в отрицательные? Не могут до сих пор.

Сцена из спектакля "Иванов" в постановке Жана-Франсуа Сивадье. Иванов - Николя Бушар, Саша - Шарлотта Иссали © Jean Louis Fernandez

А то, что Жан-Франсуа Сивадье решил представить в виде комедии одну из самых беспросветных чеховских пьес, решив, очевидно, что драму зритель не осилит, так это его личный выбор. Как и выбор одной из двух версий финала – той, где у Иванова просто останавливается сердце, без самоубийства. Учитывая прочтение режиссером пьесы в целом, такой выбор представляется мне логичным: для самоубийства Иванов слишком рохля. (Кстати, видимо с целью подчеркнуть комичность происходящего Иванов предстает публике в футболке с комиксами на спине, разглядеть которые мне не удалось. Вне эпохи.)

Я не знаю, какой процент зрителей, собравшихся в Большом зале Театра Каружа на первый показ «Иванова», читали пьесу. Боюсь, очень незначительный, а значит большинству понять суть было крайне сложно. Уже потому, что в программке указаны лишь персонажи и исполнители, без авторских пояснений к списку действующих лиц, столь важных для понимания того, кто есть кто и как они все между собой связаны.

Из-за отсутствия этой информации зрители не обратят внимание на сразу бросившийся мне в глаза возрастной диссонанс между некоторыми персонажами и актерами. Николаю Алексеевичу Иванову – всего 35 лет, о чем он сам сообщает в монологе в первом действии. Комментируя этот образ, Чехов обращал особое внимание на «усталость от жизни» в этом совсем еще молодом человеке и иронизирует насчет лекции, которую Иванов читает доктору Львову насчет женитьбы: «Не женитесь батенька… Верьте моему опыту.» Пригласив на эту роль Николя Бушара – хорошего артиста, но собирающемуся отметить в этом году 60-летие – Жан-Франсуа Сивадье сводит на нет этот важный для автора нюанс.

Из-за этого «хромает» и дуэт Иванова и 20-летней Саши (актриса Шарлотта Иссали): даже «девица новой формации», по определению Чехова, задавшаяся целью «спасти несчастненького», вряд ли польстилась бы на человека, внешне годящегося ей в отцы, зануду и без гроша в кармане. Их предсвадебные любовные игры Жан-Франсуа Сивадье изобразил в виде корриды: бык-Иванов атакует торреадоршу-Сашу, эта метафора усилена просвечивающим сквозь белое подвенечное платье невесты красным нижним бельем.

Сцена из спектакля "Иванов" в постановке Жана-Франсуа Сивадье. Анна Петровна/Сарра - Нора Криеф, Доктор Львов - Гулливер Хек © Jean Louis Fernandez

И как, скажите на милость, зритель может догадаться, почему жену Иванову Анну Петровну по ходу действия называют Саррой, если он не знает, что она – «урожденная Сарра Абрамсон»? Столь актуальная в наши дни «еврейская тема» у Чехова показана с поразительной точностью. «Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в том, милый доктор (мнется), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... (Разводит руками.) Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; сам же я не понимаю, что делается с моею душой...», - признается Иванов в первом действии, что не мешает ему обозвать жену «жидовкой», когда все прочие аргументы для оправдания своей безответственности и малодушия исчерпаны. А через несколько картин зритель узнает, что и страстной любви не было – Иванов рассчитывал на большое придание, но просчитался, и в этом он тоже обвиняет жену.

Разговоры о мезальянсе Иванова, женившегося на еврейке, и все прочие гадости в адрес Сарры/Анны со стороны собравшегося в гостиной Лебедевых «общества» в клоунских колпачках – демонстрация бытового антисемитизма, доказавшего свою живучесть. А уж как мастерски издевается над несчастной, умирающей от туберкулеза женщиной граф-приживала Шабельский (артист Кристиан Эсней) – вот у кого может поучиться ультра-левый французский политик Жак-Люк Меланшон! После ее смерти он же рыдает, причитая: «Взглянул я сейчас на эту виолончель и жидовочку вспомнил... Чудная, превосходная женщина!»

Действительно, как в царской России, так и в советский период евреям приходилось и от веры отказываться, и имена менять – ради учебы или работы. А в данном случае – ради любви. Но и Сарру/Анну Чехов не изобразил ангелом – он не любил жертвенности, хотя и объявляет, устами доктора Львова, что умирает она не столько от чахотки, сколько от поведения мужа, от его равнодушия к ней. При этом в пьесе эта героиня не рассказывает, конечно, «еврейские анекдоты» и не распевает «Тум-балалайку» – одну из самых популярных в Восточной Европе песен на идише; это режиссер от себя добавил. Хотя по смыслу песня подходит:

Думает парень ночь напролёт,
Ту ли девчонку в жёны берёт.
Можно влюбиться и ошибиться...
Ах, если б всю правду знать наперёд!

Сцена из спектакля "Иванов" в постановке Жана-Франсуа Сивадье. © Jean Louis Fernandez

Своими актерскими данными мне понравился молодой артист Янис Буферраш в роли акцизного Косых. Поясню, что акцизный в 19 веке – это чиновник, следящий за сбором налогов с алкоголя, что важно в контексте «Иванова». Вот только не понимаю, зачем карточная тема в его беспрерывном словоизвержении была

заменена музыкальной. Неужели только ради того, чтобы сообщить зрителям о пристрастии к алкоголю Брамса, Листа, Чайковского и Стравинского и хоть таким образом приблизить гениев к персонажам и с ними – к образу среднестатистического россиянина? А пьют в пьесе все и много. Национальная особенность.

… Все разговоры – о деньгах, все монологи – о собственной никчемности, общее ощущение – скука. Самобичевание Иванова «Я виноват, виноват» – это ответ на первый извечный русский вопрос – «Кто виноват?», заданный в 1840-х годах Александром Герценом и обычно идущий в паре со вторым, начертанным на установленном перед актером на сцене куске фанеры: «Что делать?»

Ответ Чехова, этого знатока человеческих душ, однозначен: виноваты все, и именно потому, что никто ничего не делает.

Комедия должна быть смешной. Смешно не было. Было, как и персонажам, скучно – все два часа сорок минут. Без антракта – и без шанса уйти. Чеховская безвыходная ситуация, но без главного – без чеховской игры на нервах.

Сцена из спектакля "Иванов" в постановке Жана-Франсуа Сивадье. Иванов - Николя Бушар © Jean Louis Fernandez
русская литература в Швейцарии
русские пьесы в Европе

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/kogda-chekhov-ne-igraet-u-nas-na-nervakh*